

Цви Прейгерзон - Раб и господин иврита

Это был самый счастливый день в его жизни. Он сдал в печать новое издание своей книги «Обогащение угля» и узнал, что книга принята к печати. Все! На этом он закончил свою научную карьеру. Сейчас он будет писать – и только на иврите.

Сегодня он начинает новую жизнь – все, что ему надо, должно быть под рукой. Жена, Лея, приготовила обед. Сели за стол. И тогда его пронзила боль. «Я люблю, когда мне плохо, – говаривал он, – ведь всегда плохо не бывает...». Ася – дочь, врач-терапевт – прибежала через четверть часа. Семья жила в Москве. Родители – на Погодинской улице, Ася – недалеко, на Фрунзенской набережной. Неотложка увезла его в больницу.. Пожалуй, не верил, что умирает. Но все-таки повторил то, что не раз говорил и раньше: "если что, мой прах похороните в Израиле". Наутро Цви Прейгерзона не стало...

Это случилось 15 марта 1969 года. Первый день новой жизни, обновление каждой клеточки в душе и во всем теле, музыка, банки любимого яблочного пюре – жить хочется, писать, писать, чтоб ничто не отвлекало. А жизнь, оказывается, кончилась. Но ушел он как человек счастливый. «Разве не до самого конца своего земного пути человек сохраняет надежду?» – так сказано им в одном из рассказов.

На идиш его звали Гирш, на русском – Григорий Израилевич, а на иврите – Цви. Фамилия Прейгерзон – довольно редкая. В семье не установили ее происхождения, была догадка: прайгер, прагер зон – может быть, от города Прага. Сын Праги? Вековые гонения на еврейский народ не располагали к ведению семейных хроник, немногие могут проследить судьбу своего рода на протяжении даже одного века. Но Ася Прейгерзон говорит, что если встретишь Прейгерзона – все из их семьи.

Семья Прейгерзон была из Украины, из Волынской губернии. Сам Цви родился 26 октября 1900 года в местечке Шепетовка, преобразованном в его творчестве в Пашутовку . Сейчас это город в Хмельницкой области. По переписи конца прошлого века еврейское население составляло здесь половину всех жителей. Отец, Израиль Прейгерзон, как напишет Цви в протоколе допроса в 1949 году, «имел кустарную мастерскую с тремя ткацкими станками и наемной рабочей силой», то есть почти капиталист, и его счастье, что он не дожил до «лучших» времен, а умер своей смертью в 1922 году. Был он человек просвещенный и мечтал дать сыну хорошее образование. А мать Цви была из знаменитого на Волыни раввинского рода, так что в доме ладно уживались и еврейская традиция и дух прогресса.

Начало его биографии почти буквально повторяет биографию Авраама Шлонского. Оба родились в 1900 году. Оба знали иврит с детства, оба мальчиками приехали в Тель-Авив и учились в прославленной гимназии «Герцлия». Оба вернулись в Россию. Но Шлонский после гражданской войны ни одной лишней минуты не хотел оставаться в Советской России, судьба же Цви Прейгерзона сложилась иначе. Как гласит семейное предание, сам Хаим Нахман Бялик, прочитав его ранние литературные работы, стихи и прозу, сказал отцу Цви: «Этот мальчик далеко пойдет, если ему не подрежут крылья». Поэтому отец купил ему билет на пароход и отправил сына в Палестину. Но если Авраам Шлонский тот первый год, в основном, гонял мяч на футбольном поле, то Цви посылал домой подробные отчеты об успехах в учении. В конце учебного года он получил награду от турецкого султана. Начались каникулы. Полет первого самолета, управляемого

еврейским летчиком, был для мальчишек как полет человека на Луну. Все искали крышу повыше. Цви слетел с крыши и сломал ногу...

После окончания учебного года он поехал на каникулы домой на Украину. Первая мировая война лишила Цви возможности возвращения в Палестину для продолжения учебы. И мальчика отправили в Одессу. Почти не зная русского языка, он за несколько месяцев подготовился к экзаменам и поступил в русскую гимназию, а по вечерам жил ивритом и еврейской историей. Всю жизнь считал своим учителем, другом и духовным отцом профессора Йосефа Клаузнера. (Узнав каким-то образом о смерти профессора в Иерусалиме в 1958 году, очень печалился). Учился в Одессе всему, чему мог. Кроме гимназии, он посещал ешиву, попутно закончил и Одесскую консерваторию по классу скрипки. Как люди находили для всего время?

В юные годы мысль о родине предков не покидала его: он решил получить еще и практическую специальность, «полезную» в Эрец-Исраэль, для чего поступил в Московскую академию горного дела. Современная молодежь едва ли понимает людей среднего и старшего поколения, живших при советской власти постоянно, изо дня в день, двойной жизнью. Может быть, биография Цви Прейгерзона – один из самых ярких, даже резких примеров такой жизни. Он стал не просто специалистом своего дела. В некрологе, напечатанном в научно-тематическом журнале «Обогащение и брикетирование угля» сказано: «Видный ученый, автор более 50 научных трудов и изобретений... он был одним из тех, кто заложил основы... горной промышленности. Его труд "Обогащение угля" является настольной книгой ... талантливый педагог... он более 40 лет отдал воспитанию инженеров...». Вот эта книга. Первое ее издание вышло в 1934 году, последнее – в год его смерти, в 1969 году. Здесь его имя стоит в траурной рамке.

Но мы говорим о Цви Прейгерзоне как о большом еврейском ивритском писателе, десятилетия трудившимся тайком, в подполье, а не о серьезном ученом, жизнь которого, внешне благополучная, была у всех на виду...

В конце 20-х годов, когда начиналась техническая и научная карьера Прейгерзона в России, параллельно с ней росла его писательская популярность в Палестине. Все лучшие журналы и газеты того периода печатали Прейгерзона. Вот они стоят на полках – эти тома журналов «Ха-Ткуфа» («Эпоха»), «Ха-Олам» («Мир»), «Ктувим» («Писания»), нью-йоркский «Ха-Доар» («Почта»). Эти издания были родным домом для лучших еврейских писателей. Откроем "Ха-Ткуфа", для чего сначала смахнем пыль – редкий исследователь или любитель литературы касается их сегодня. Черная тяжелая обложка, золотое тиснение... Среди редакторов на первом месте – поэт Шауль Черниховский.

Последняя публикация произведений Прейгерзона в Палестине отмечена 1934-м годом. Убийство Кирова. Волна кровавого террора. Казалось, что кончилась навсегда и ивритская литература в России. Считалось, что она кончилась еще в 1921 году, с отъездом Бялика и вместе с ним большой группы писателей и поэтов, языком творчества которых был иврит. Но такие писатели, литературоведы и критики, как Иегошуа Алекс Гильбоа, Гецель Крессель и некоторые другие, продолжали следить за тем, что происходит на их бывшей родине. Что пишут и пишут ли вообще Цви Прейгерзон, Хаим Ленский, Элиша Родин, Моше Хиюг – тот самый, друг Цви, Авраам Карив, Иохевет Бат-Мирьям, Гершом Ханович... Единицы добрались до Израиля. Среди оставшихся все, за редчайшими исключениями, были арестованы и сосланы...

В Москве, в те годы, Моше Хиюг (он же Цви Плоткин, он же Абрамзон) издавал журнал «Берейшит» («Начало»). В его издании Цви участия не принимал, но с Цви Плоткиным дружил многие годы. Потом название этого журнала всплывет на следствии, на допросах... Их посадят одновременно, и Цви Прейгерзона, и Цви Плоткина, и Меира Баазова... Однажды у Плоткина он познакомится с неким Сашей, который выразит желание учить иврит и начнет приходить к нему в дом два раза в неделю. В рассказе «Иврит» Цви Прейгерзон поведаст нам, какую зловещую роль сыграл в его жизни этот субъект. Я не стану называть его фамилии, кто знает, времена изменились, может, и его дети уже в Израиле. Как он попал к Плоткину, неизвестно. Втерся в доверие. Сколько их было, любивших иврит почти что чувственной любовью? Так что немудрено, что Саша, с еврейской внешностью и фамилией, был радушно принимаем и за письменным, и за обеденным столом...

Доктор филологии Хагит Гальперин, которая годами собирала наследие Прейгерзона и создала целый отдел в институте имени Нахума Каца при Тель-авивском университете, говорит: «Даже те, что были в плену надежд на лучшее, на светлое будущее в стране Советов, очнулись от своих иллюзий, но слишком поздно, если не погибли вообще... А выжившие остались с моральными и физическими ранами – навсегда». Она считает и пишет об этом в предисловии к вышедшей в 1991 году книге Прейгерзона «Ха-сипур ше ло нигмар» («Рассказ без конца»), что в разные периоды Прейгерзон жил, думал и чувствовал по-разному. После революции его и влекло к Израилю и что-то отталкивало, настолько, что временами он вовсе забывал о своей юношеской мечте... И даже после заключения, судя по его «Йоман ха-зихронот» («Дневник воспоминаний»), он все еще верил в коммунистическую идею не меньше, чем в свой народ и его язык... Эта двойственность отразилась и в его творчестве, ничуть не умаляя при этом его личности. Нам, которые оттуда, не так трудно дается понимание предмета. Если израильских писателей Ахарона Мегеда, Моше Шамира и других Цви Прейгерзон поражает своим отличным знанием иврита, писательским мастерством, наконец, самим фактом сохранения языка, то нас, знающих и помнящих, как это было, поражает прежде всего его человеческий подвиг, которому мало равных.

Так как это было с Цви Прейгерзоном? С тех пор, как иврит стал языком запретным, караемым, даже его семья не знала о том, что он пишет. Делал он это втайне, за закрытой дверью, чтобы не подставить под удар детей... «Мы же все ходили на субботники», – вспоминают его дети. И многие из нас – тоже. Были годы, когда он писал свои рассказы и романы на страницах томов «Вопросы ленинизма» – между строк... Писал, зная, что его произведения никогда не увидят света, не встретятся со своими читателями. Удивительно ли, что он решил воспользоваться услугами «добрейшего» Саши? Саша предложил передать несколько рассказов для опубликования в Израиле через знакомых польских евреев. Дело № 2239 по обвинению Прейгерзона во «вражеской работе против советского государства», в «националистической работе среди еврейского населения, в участии в антисоветской группе» и т.д. В верхнем углу слева: «Утверждаю – Министр госбезопасности СССР, генерал-полковник Абакумов». (Уже в годы перестройки дело было переписано от руки Беньямином, сыном писателя).

Цви был арестован 1 марта 1949 года и получил 10 лет. 12 апреля 1953 года, вскоре после смерти Сталина, он написал заявление Генеральному прокурору СССР: «За период следствия, продолжавшегося около 9 месяцев, я многократно подвергался тяжелым избиениям... Для того, чтобы заставить меня подписать ложный и клеветнический общий протокол, меня в кабинете следователя Цветаева подвергли коллективному избиению, при этом разбили мне голову до

крови и выбили зуб...». В течение нескольких месяцев ему давали спать не более часа-двух в сутки, «в Лефортовской тюрьме у меня был приступ острого помешательства, он длился 14 часов..., меня продолжали избивать...». Он не отрицает, что писал рассказы на "древнееврейском" языке и печатался за границей, но добавляет, что «по содержанию они были вполне советскими и носили бытовой или антирелигиозный характер».

После войны, в 1945 – 48 гг., он опять написал несколько рассказов, проникнутых «чувством горячей любви к советской родине и ненависти к фашистским убийцам».

Из рассказа «Иврит». На допросе у полковника герой рассказа просит встречи с прокурором, за что его нещадно избивают. «На сей раз удар пришелся по левому уху. Потекла кровь. В глазах потемнело... Потом я услышал голос полковника... он снова пообещал, что уничтожит меня... И он отвратительно выругался на "чистейшем русском языке"...». После этого герой рассказа, он же – его автор, объявил, что отныне не знает русского языка и будет отвечать только на иврите. Дальше – описание карцера. Крики заключенных, голод... Силы уходили. Сознание мутилось. «Клянусь всем, что мне дорого, что буду говорить только на иврите», – шептал он. Вкус маленькой личной победы он ощутил, когда привели переводчика. Им оказался... Саша. «Он приходил ко мне в дом, а потом писал на меня доносы».

Цви Прейгерзон заканчивает этот рассказ так: «Проходят годы, время течет своим чередом, люди поднимаются и падают, возвышаются до небес, а потом становятся маленькими и ничтожными, те плачут, эти плачут, каждый занят своим делом. Судьба уготовила мне холодные годы в лагере на севере страны. Снежные бури зимой, белые ночи весной, северное сияние горит на звездном небе, тесные переполненные людьми бараки, бесплодные страсти, каторжный труд, обманутые надежды и неожиданно сердечная теплота человека, брата – товарища по несчастью. Но вот повеяли новые ветры в стране, и я, как десятки таких же, как я, был освобожден и вернулся домой. Несколько лет я прожил на свободе. Недавно я встретил его. Приятная встреча...

Это было вечером. На улице никого, кроме какой-то старушки, которая и стала случайной свидетельницей нашей встречи. Но это был уже не тот Саша. Я с трудом узнал его. Лицо стало болезненным, желтым, сморщенным, а в руке была стариковская палка. "Шалом", – окликнул я его, и нервная улыбка исказила мое лицо... Крысиные глазки впелись в меня на секунду, а потом он повернулся и бросился бежать, стуча палкой по тротуару. Я провожал его громким смехом, который хлестал и подгонял его, а старушка-прохожая трижды перекрестилась и ускорила шаги». Так – в рассказе. Цви так много думал об этом ничтожном человеке, что выдумал их встречу... Ее не было. И дети ничего о нем больше не слышали ...

В конце 50-х и в 60-е гг. Прейгерзон тайно переправлял свои рукописи в Израиль.

Хотя о Прейгерзоне написано много но есть еще факты, которые только недавно были опубликованы. В Израиле широко известно имя Давида Бартова. Он был работником израильского посольства. Цви Прейгерзона знал по израильским публикациям, в Москве познакомился с ним лично и переправлял его рукописи в Израиль. «Обычно, – вспоминает Д. Бартов, – мы встречались в районе синагоги или на проходивших в то время в Москве еврейских культурных мероприятиях... Как-то я предложил Прейгерзону опубликовать в Израиле его роман «Когда потухнет лампада» под псевдонимом...». Книга вышла в свет под псевдонимом А. Цфони, что буквально означает "северный", т.е. живущий в северной стране. Для самого писателя были в

этом псевдониме и воспоминания о годах, проведенных в северных лагерях, и намеков на значение «скрывать», «держаться в тайне», содержащееся в ивритском корне ц-ф-н. Писатель знал, что этот шаг сопряжен с риском повторного ареста, если псевдоним будет раскрыт, но был готов к этому: «Уже в тюрьме я дал клятву, – писал он в 1957 году в "Дневнике воспоминаний", – что не оставлю иврит, и я исполняю ее по сей день, пусть даже арестуют меня во второй и в третий раз. До последнего дыхания моя любовь и вся моя душа отданы ивриту».

Позднее Цви Прейгерзон узнал, что его книга была набрана и напечатана издательством «Ам Овед» за две недели! Вернемся к воспоминаниям Давида Бартова: «На очередном еврейском мероприятии я обертываю книгу газетой и прошу Эстер, мою жену, передать ее в антракте Цви, разумеется, с принятием всех мер предосторожности (ведь мы всегда были под «дружеским» присмотром КГБ). Издали, затаив дыхание, я наблюдал за действиями Эстер, и мне казалось, что операция по передаче книги длилась часы, а не считанные минуты. Прейгерзон ощупал пакет и даже заглянул внутрь. Я опасался, что от волнения он упадет в обморок. Потом мы еще много раз говорили о книге...». Это была первая публикация Прейгерзона спустя многие-многие годы... Он давно уже ни на что не надеялся... И что в Израиле напечатают – не верил. Так появился в Израиле безвестный писатель А. Цфони. Но Гецель Крессель, знаменитый библиограф, создатель лексического словаря по ивритской литературе, моментально – по языку, характеру и строю текстов – догадался, кто скрывается под именем А. Цфони...

Все израильские критики сходятся во мнении, что среди тех немногих, кто продолжал в Советском Союзе творить на иврите, Цви Прейгерзон был самым крупным прозаиком. Большая часть его рассказов вошла в цикл «Путешествия Беньямина Четвертого». Образ странствующего рыцаря Беньямина традиционен для еврейской литературы: так Беньямин Первый из Туделы (Испания), живший в XII веке, рассказал в своей книге о евреях диаспоры своего времени; Беньямин Второй из Бессарабии занимался поисками пропавших десяти колен Израилевых и в середине XIX века объездил ряд стран Европы и Северной Африки, а также побывал в Китае, Индии и Афганистане; Беньямин Третий – герой широкоизвестной повести нашего классика Менделе Мойхер-Сфорима «Путешествие Беньямина Третьего» – пародийный трагический образ еврейского Дон-Кихота, профессионального неудачника. Нельзя не согласиться с проф. Михаилом Зандом, сказавшим, что Беньямин Четвертый – это сам Цви Прейгерзон.

После войны Цви снова потянуло к еврейской религиозной традиции, хотя в юношеские годы он совсем было отошел от нее. Во многих его рассказах прослеживается мысль о том, что тяжкие испытания возвращают человека к тому свету, который передается ему, иногда помимо его сознания, от его предков...

«По мере того, как множатся в народе Израиля бедствия и невзгоды, возрастает количество раскаивающихся и жаждущих вернуться к вере», – говорится в одном из рассказов. В другом рассказе Прейгерзон пишет о профессоре Московского государственного университета, который тщательно скрывает от всех свою тайну, греховное свое занятие. Как испанские марраны во времена инквизиции, он ведет двойной образ жизни: приходит после лекции в советском вузе, переодевается в старую ветхую одежду и направляется в синагогу, стоит там в дальнем углу и тайком предаётся молитве. «По праздникам я часто встречаю в синагоге этого скрытного человека. По-видимому, мы живем на одной улице, а может быть, даже в одной квартире. Сдается мне, что этот вернувшийся к вере – я сам...».

Последнее свое произведение – роман "Рофим" ("Врачи"), посвященный истории жизни одной еврейской семьи в России (сага должна была завершиться печально известным «Делом врачей»), – Прейгерзон не закончил. Он писал эту книгу последние пять лет жизни, уже с больным сердцем. Первая часть этого романа была опубликована в Израиле в книге «Ха-сипур, ше-ло нигмар» (вместе с ранними стихами и с отрывками из послелагерного дневника). А несколько лет назад на русском языке (в переводе Лили Баазовой) вышла книга Цви Прейгерзона "Бремя имени" (СПб.: Лимбус Пресс, 1999), заслуженно получившая теплый прием у читателей.

Рукопись лагерного «Дневника...» Цви Прейгерзона, а также их первый перевод на русский язык, сделанный другом писателя Израилем Минцем (1900 – 1989), ветераном сионистского движения и тоже узником Сиона, мне довелось прочесть много лет назад. Да, перевод требовал очень серьезной редактуры, но так хотелось увидеть эти воспоминания писателя-лагерника опубликованными. Рада, что они, пусть и спустя полвека, но все-таки пришли к читателю. Это не только потрясающий документ человеческого духа, но и свидетельство писательской наблюдательности, точных и умных характеристик.

Сегодня у Цви Прейгерзона живут в Израиле трое детей, шесть внуков и одиннадцать правнуков. Раз в год они и их друзья собираются на кладбище киббуца Шфаим, где похоронен прах писателя, перевезенный из Москвы. Там же могилы его жены Леи и Израиля Минца. Закончить мне хочется несколькими короткими цитатами: «Цви Прейгерзон – редкое явление как в ивритской литературе, так и в истории нашего народа», – сказал о нем замечательный израильский писатель Аһарон Мегед.

«Я клянусь, – говорил Цви Прейгерзон, – что до последнего дыхания буду предан сердцем и душой нашему языку». Американский еврейский писатель Д. Перский (1887 –1962) говорил: «Я – раб иврита». Цви Прейгерзон был одновременно его рабом и его господином.